

«Мы умели радоваться за других»

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Этот разговор о самой нежной поре в жизни мы поведем с обаятельной женщиной, умным и деликатным собеседником. И не только замечательными чисто человеческими качествами одарена она. Галина Васильевна Федоренко, зампредела Ярославского областного суда, – видный специалист в области права. В будущем году исполнится 35 лет, как она работает в суде.

О своем детстве Галина Васильевна сразу сказала так:

– Дружно жили, вспоминаю самые приятные.

И это при том, что ее семья из девяти человек – мама, дед, бабушка, тетя и дядя с женой и детьми – проживала в барачном доме на Щитовом поселке. Район этот был тогда окраиной Ярославля, за Леонтьевским кладбищем. Причем окраиной не тихой и спокойной – ходить здесь по улицам темными вечерами было страшновато и небезопасно.

Но детство есть детство. Те годы расцвечены яркими красками, как в калейдоскопе. И вся пионерская жизнь вращалась вокруг клуба «Строитель» – тогда у него был такой статус. Масса детей занималась в кружках самодеятельности, изостудии. Ребятя ходила в походы по окрестностям города – в Пахму, Карабику, знакомилась с историей Ярославского края. Играли в кукольном театре. Галина Васильевна замечает: она в основном декорации рисовала и озвучивала кукол. Артисткой стать не мечтала.

А вот где пропадала часами, так это в библиотеке. Заведовала ею мамина подруга Зоя Константиновна Сучкова. Она сплотила вокруг себя детвору, и те участвовали в обсуждениях книг, читательских встречах. Галина Васильевна, улыбаясь, говорит о той поре:

– Читала очень много, особенно любила детективный жанр. И сейчас люблю. С удовольствием читаю Агату Кристи. Может, чтение детективов и повлияло на выбор профессии...

– А может, больше то, что жили в криминальном районе?

– Возможно, и это тоже сыграло свою роль. Народ на Щитовом поселке, как и на Фибролитовом и Рубленом по соседству, отличался от того, что жил в центре Ярославля. Даже в наших дворовых компаниях были проблемные ребята. Прикрепляли к ним благополучных детей – для помощи и благотворного влияния. А я к тому же была и старостой класса, отвечала за порядок – чтобы никто не опаздывал и не прогуливал.

– Вы, наверное, в отличниках ходили?

– Училась хорошо. Маме, Нине Борисовне, не приходилось заниматься со мной. Предпочтение отдавала гуманитарным предметам – английскому, литературе. Это благодаря маме. Несмотря на то, что у нее не было высшего образования, она собрала очень много книг. Для чтения по школьной программе не нужно было обращаться в библиотеку – вся русская классика имела дома.

Так получилось, что учебу я начала в 20-й школе – сейчас ее нет. Потом наши бараки снесли, мы переехали в деревянный дом, затем получили квартиру на «пятерке». Соответственно меня и моих одноклассников переводили в другие школы – № 67, 54, 9, 3... А уж когда училась в десятом классе 44-й школы, твердо определилась: поступать буду на юрфак. Для этого решила стаж приобрести. Поэтому в одиннадцатом классе училась в школе рабочей молодежи и ра-

ботала секретарем в прокуратуре Кировского района.

– Ваша семья была состоятельной?

– Тогда все семьи жили примерно одинаково. У нас в семье почти все работали. Дед, Борис Николаевич Суслов, – печником в строительной организации, мама – бухгалтером, только бабушка была домохозяйкой. Так что доходы семьи можно назвать средними. Вот один эпизод: мне купили резиновые сапоги – черные, блестящие. Столько радости! А так – снобизма не было. У моей мамы в квартире до недавнего времени стояли комод, шифоньер и буфет, сделанные еще руками деда. И в те годы это даже вызывало зависть: вот, мол, человек может такое сам сделать! Я тогда, например, могла в чем угодно одетой пойти. Не гонялись мы за вещами. Купил кто-то что-то красивое – радовались за него. Сейчас смотрю иной раз и думаю: да вы, ребята, стадному чувству подвержены – у одного есть, так и другому такое же, а то и лучше, подавай!

– А ваши сверстники между собой различали, кто из благополучной семьи, а кто нет?

– Семьи разные были. И дети тоже. Некоторые ребята ока-

входа охломоны какие-то стоят. Пристали ко мне. Появляется Виктор. Оценил обстановку, дал команду – отошли. Спустя годы, когда я работала в прокуратуре, вижу как-то: ведут по коридору Витьку два конвоира. Судьбы у всех сложились по-разному...

Со мной учились и два мальчика из благополучных семей: отцы – военные. Учились хорошо – нас, отличников, вместе фотографировали. Потом – им уже по девятнадцать

ма, а дед. Помню, моя подруга жила у бабушки, потому что родители – военные. И если учителя вызывали родителей, от нас с ней приходили мой дед и ее бабушка...

– Вас наказывали дома?

– Одним из главных в семье было чувство справедливости. По заслугам доставалось. Но рукоприкладства в доме не допускали. За провинности ждал строгий, но справедливый разговор. «Не за дело» не ругали.

Фото Вячеслава ЮРАСОВА и из семейного архива.

зывались замешаны в неблагоприятных делах. Но в то же время отторжения их не припомню. Помогали друг другу, ценили хорошие качества в товарище, каким бы он ни был. В пятом классе у нас учился парень по имени Виктор. Значительно старше всех, он, наверное, не раз оставался на второй год. На нынешнем языке его называли бы криминальным авторитетом. Помню случай: пришла в школу в новых, красивых varezhках и в раздевалке оставила их в кармане пальто, что категорически не рекомендовалось. После уроков обнаруживаю: varezhки вытащили из кармана. Конечно, сразу слезы и сопля. Витя подошел: «Чего ревешь?» – «Varezhки украли!» – «Да ладно, не реви. Найдутся». Через какое-то время смотрю: varezhки в парте! Или еще один случай. Пошла в библиотеку уже в новый ДК «Строитель». А там у

было – дали им за бандитизм высшую меру наказания. Ребята занимались музыкой, играли в ансамбле, получали большие деньги. Почувствовали вкус к красивой жизни. Ансамбль распался, а тяга к деньгам осталась. Мальчишек вовлекли в бандитскую группу.

– Вероятно, жесткая атмосфера окраины влияла все-таки на отношения между детьми?

– Окраина воспитывала у нас с детства обостренное чувство справедливости. Если кто-то нашкодничал в школе, а отвечать не хотел, не признавался, учителя наказывали всех. Но ребята потом сами – и случалось, жестоко – разбирались с провинившимся.

– И все же вы росли в крепкой, дружной семье. А о ком самые первые и глубокие, самые теплые воспоминания?

– Конечно, это мама. А если сразу, навскидку – то дед. Всплывают в памяти ссадины, содранные колени. Сосед из окна бросил подшипник и попал мне в голову. Дед оставил кровь и промывал рану. Утешал. Он заменил мне рано ушедшего отца. Я называла его папой. Дед вначале стеснялся, а потом испытывал гордость. В школу ходила не ма-

– Вы уже не один раз вспомнили деда. А бабушка? Ее блины, пирожки и, как водится, вязаные носочки?

– Сейчас вижу, как просто приходилось моей бабушке, Елизавете Павловне. Маленькая семья, но у нее, как настоящей хранительницы очага, на всех хватало времени. Умная, справедливая. Дед как глава семьи принимал решения, но фактически подвигала его к этому она. Когда я уже работала, мне дали комнату в общежитии. Я обрадовалась – еще бы: вот какая взрослая! Мама – на дыбы, дед – молчком. Но это его молчание... Я почувствовала себя очень нехорошо. И лишь одна бабушка поняла меня и поддержала: «Да, нужно решать. Ты правильно поступаешь и не смотри на них». А потом смогла убедить маму и деда. Мудрость, справедливость, забота – все это идет из семьи.

– И вот школа позади. Вы учитесь в Ивановском юридическом институте и работаете. Вам везло на друзей, наставников?

– Очень много для меня сделали люди, с которыми я начала работать еще в юности. Это прокурор Заурбек Азаматович Султангирей, известные ярославские юристы Леонид Кантор, Сара Воскобойник, Макс Хазин, следователь Любовь Чернова – личности уникальные, талантливые, энергичные. Только с благодарностью вспоминаю тех, кто живого уже нет.

Записала
Виктория ГЕФЕЛЕ